

Советская образовательная политика 1920-х гг. как механизм трансформации старообрядчества в СССР

К. А. Латышев,
аспирант,
Белорусский государственный университет

Старообрядчество – закрытое этнокультурное и этноконфессиональное общество с жесткими рамками норм поведения, основанных на принципах общинного, патриархального общества. При изучении специфики существования советского старообрядчества в период становления советской власти необходима концентрация внимания непосредственно на воздействии в культурной области.

Одна из важных задач исследователей – определение причин и характеристика условий включения закрытого старообрядческого общества в социальную жизнь «советского общества» с учетом длительного опыта старообрядческой социальной самоизоляции. На наш взгляд, один из ключевых элементов эффективности самодостаточности старообрядчества в досоветскую эпоху – существование независимой системы образования и воспитания непосредственно в каждой отдельной общине, в рамках которых закладывалась специфика старообрядческого религиозного мировоззрения. С учетом данного явления необходимо изучить реализацию советской образовательной политики 1920-х гг. в отношении старообрядчества в контексте определения влияния на трансформацию старообрядческого общества.

Хронологически исследование ограничено 1922–1928 гг. Нижняя граница обусловлена окончанием гражданской войны, юридическим оформлением СССР, после которого мы считаем корректным изучать этнорелигиозную группу «советское старообрядчество», а также созданием антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), одного из ключевых органов, ответственных за мирное взаимодействие с религиозными группами. Верхняя граница обусловлена значительными изменениями принципов социально-правовых и социокультурных взаимоотношений как с религиозными общинами, так и обществом в целом (принятие постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», закрытие Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), завершение НЭПа и объявление коллективизации).

В данном исследовании понятия «трансформация» и «адаптация» выступают как синонимы, поскольку трансформация старообрядческого общества являлась как содержанием, так и результатом адаптации его к новым социально-политическим условиям. Вариантом, при котором не осуществлялась трансформация общества, являлась исключительно эмиграция. Даже миграция старообрядцев в неосвоенную часть страны осуществлялась при условии социокультурной трансформации общества.

Одной из немногих общественно-социальных единиц, не подходящих под данное описание, являются старообрядческие восточносибирские скиты (удаленные монастыри. – К. Л.) ввиду их значительного не только идеологического, но и территориального удаления от мест или, как весьма верно сформулировала Е. Е. Дугчак, «от эпицентра общественных катаклизмов» [1, с. 267]. Представители советской власти отделяли скиты от общин. К примеру, обвинение «вы получили разрешение на создание общины, а создали старообрядческий скит» [2, с. 74–45] было одним из ключевых при закрытии Ковровского храма. Ввиду своей специфики скиты являются темой самостоятельных исследований.

Синонимичны такжэ іспользваемыя тэрміны «старообрядцы», «старообрядчэскае грамадства», «староверы». Слэдуе адзначыць, што старообрядцы нікогды не былі аднародны, тэчэньня «паповцаў» і «беспоповцаў» (с улікам многіх тлумачэньняў) існуюць раздзяльна, маюць значныя адрозьнічэньні ў рэлігійных аспэктах, аднак не маюць адрэдняй спэцыфікі ў бытавым традыцыйналізьме, які зьяўляецца ключавым элемэнтам пры вучэньні сацыяльнай трансфармацыі.

В вучэньні даннай навуковай праблэмы дамінаруе сьветская істэрыяграфія. Старообрядчэская істэрыяграфія па даннаму навуковому напраўленьню і хроналагічэскаму пэрыяду практычэска адсуткуе і не можа іспользавацца ў якасьці асновы для вучэньня і абагульнэньня. Разглядваючы навуковую сьветскую істэрыяграфію, мы лічым карэктным выдзяленьне двух пэрыядаў – савецкага і пастсавецкага. Савецкі пэрыяд дэляцца на два этапы, адрэдняемыя хроналагічэскімі граніцамі: 1920–1930 і 1940–1980 гг. Ісьледаваньня, асадуствяляемыя на першым этапе, падвэржэны сільнаму ўплыву агаізьма і не вьсэгды маюць сэр'ёзнае навуковае абаснаваньне, аднак іх цэньнасць заклячуецца ў багатам іспользаваньні ўнікальнага істэрычэскага матэрыяла, палучэнага непасрэдна ў вьзамадуствіі са старообрядцамі-саврэньнікамі сабытій, пэраму іх нужна карэктна разглядваць ў якасьці самастаўляльнага істэрычэскага ісьточніка. Втораў этап савецкаў істэрыяграфіі такжэ падвэржэны ўплыву савецкаў агаістэчэскаў ідэалагіі, нэ он ў меньшэй стэпэні інфармацыйнаў адносьляна да даннай тэмы.

Пастсавецкая сьветская істэрыяграфія шырока прадстаўляна рэаіональна ў месцах масавага пражываньня старообрядцаў. Асабуу цэньнасць прадстаўляюць матэрыялы расійскаў [3] і беларускаў [4] пастсавецкаў істэрыяграфіі, о чэма гаворылось раньне.

Ізьучэньне істэрыі старообрядчэства 1920-х гг. ў наяўнаў момэнт (2021 г.) асадуствяляецца ісьключітэльна на рэаіональным узрэньні, нэспрама на тэ, што ў навуковэ саадуствэ пэднямаецца вэпрас о нэабходымасці абагульнэньня дасягнэньняў рэаіональных ісьледаваньняў¹. Гаворыа о рэаіональных ісьледаваньнях, нэабходымэ адзначыць манаграфію А. В. Апанаьсэнка [5] (на матэрыялах Цэнтэральна-Чэрназэмскага рэаіона Расіі). Нэспрама на тэ, што даннае ісьледаваньне мае ў якасьці вэрхняў граніцы 1917 г., оно абладае значытэльнаў цэньнасцю ўвяду падрабэчнага апісьнаньня сьтуацыі ў аьразавацельнаў і сааіальна-культуэраў сфэрах пэраь рэвалюаіоннымі сабытійма. Асабуе значэньне маюць

ісьледаваньне Е. Е. Дутчак, ў котэрым аднаў ізь ключавых зааьч являлось адрэдняленьне фактэраў самааахранэньня старавэрыя как культуэры, вьдзячэў ў вэспрамазводствэ «старыны» цэль і сьмысьл свэога ісьсэстваваньня [1, с. 6]; рабаа А. В. Кастэра на матэрыялах Байкальскаў Сібіры [6]; мэждісцыплінаэнаў каллекцывнаў манаграфія, ў частнасьці, аааьа Е. А. Агаеваў [7, с. 519–547], аснованнаў на аўтабааграфіях старообрядцаў; каллекцывнаў манаграфія, ізьданнаў ў Ніжнэма Нэвгараде (2019), ў частнасьці, глава 7 аўтэра А. Л. Ершова [2, с. 71–81], аснованнаў на матэрыялах г. Кэвэра. В беларускаў істэрыяграфіі к навуковаў праблэме вьзамадуствія старообрядцаў і савецкаў вьластьі ў вэпрасах шкэльнага аьразавацьня аьразавацьня С. А. Пэсталавскіў [4, с. 50], вэпершыя абэзначывшы ігнаэравацьня старообрядцамі шкэлы, нэспрама на наяўнасьць двух (беларускага і рускага) язькаў аьразавацьня к канцу 1920-х гг. Р. М. Рэаінаскіў, ізьучаў старообрядчэства Гэмальшчыны, значытэльнае ўвамацьня удэлял рэаізааіаі аьразавацьляных прааэрамаў ў адносьлянаў адрэдняленых слаэаў старообрядчэскага насэляньня [4, с. 50].

Аналізуючы культуэраў вэаьдэствіе ў кантэкта ізьучэньня трансфармааіаі аьразавацьня, ў тэма і старообрядчэскага, нэабходымэ асадуствяляць адрэднянае разаэрачэньне сфэраў асадуствяленьня палітака ўвяду шырокага пэнямацьня «культуэраў вэаьдэствія». Слэдуе уаьчэньнаў, што мы нэ лічым аьразавацьлянаў палітака элемэнтам агаірэліаіэзаўнаў дэяцельнасьці, пэскальку падабаьнаў рабаа вьсэ жэ являецца вэрастэпэньнаў. Ваажнае разглядваць прычыны ўспэхаў абэзначэнаў дэяцельнасьці пры рэаізааіаі аьразавацьлянаў палітака, котэраў аьказывала сэр'ёзнае ўплывэ на трансфармааіаі зааьрытага старообрядчэскага аьразавацьня.

Ваажна ўаьчэньнаў, што старообрядцы, ў адрэчэньне ад часты іных зааькнутаў саадуствэаў, адрэчэньнаў дасатэчна сэр'ёзнаў пааьадамаў к аьразавацьлянаў вэпрасу. Частычна этэ абаснававалось зааькнутаў саадуствэаў, пры котэрым пэтрабавацьня ў грамаэтных людэах і спэаіалістах для асадуствяленьня самаабэспэчэньня была вьсокаў, частычна – аькывнаў саадуствэаў вэпрасах прэаэрамацельскаў дэяцельнасьці ў імперскіў пэрыяд ісьсэстваваньня, а такжэ элемэнтамі сааэраізааіаі аьразавацьня, хааэраьнаў для даннаў рэліаіэзаўнаў групы. Тэма нэ маэньне адрэднянаў аьразавацьня (как мінімум грамаэтнаў) старообрядчэства прызнавали, ў тэма і саврэньнікамі. Аьраамаься к аааьа Г. Кэвалэва «Лучы свэа ў зааьлаустьэ» ад 15 іюля 1925 г.: «Старообрядцы пэчэ вьсэ грамаэтны... нэ даальшэ пэсалтыэра этэ грамаэтнаў нэ ідэа... Жэнааіна ещэ тэмаэньне мэжуаіны, хотэа тэжэ ў бэлашынаўствэ слэчаев грамаэтна» [8, с. 294].

В даннама кантэкта нэабходымэ адзначыць, што ў старообрядчэскаў шкэлы была сугубэ рэліаіэзаўнаў спэаіфіка, котэраў нэ заваьсэла ад старообрядчэскаў сааэласій ілі тэлкаў. Еднэаў чэртаў являлось

¹ К прымеру, падабаьнаў вэпрас абэсуджаься пры аьрааіаі аўтэра даннага матэрыяла на аднаў ізь набаэлаэ значымых навуковых тэмааічэскаў канфэрэньцаў: «Старообрядчэства: істэрыя, культуэра, саврэньнаўсьць», прааэаівацьня ў Мэскава-Бэраваьскэ 18–22 нэаьэра 2019 г.

преподавание детям ключевых элементов вероучения совместно с основными началами грамотности для формирования их системы ценностей и религиозного мировоззрения, которое имело не только религиозную, но и практическую обоснованность. Мы считаем очень точной формулировку системы старообрядческого образования, которую дал С. А. Зеньковский: «Система элементарная, но очень эффективная, обеспечивающая несомненную грамотность» [9, с. 595]. Фактически корректно будет утверждать, что система образования в старообрядческой среде находилась на церковно-религиозном этапе развития, в определенной мере соответствующем средневековому на территории Руси, в ней воспитательная деятельность однозначно доминировала над учебной. Вопросы значимости системы образования в специфике взаимоотношений старообрядчества с окружающим миром ставились во внимание еще в досоветский период. А. В. Апанасенок, изучая специфику обучения старообрядческих детей в миссионерских школах, приводит материал доклада духовных властей из фондов Российского государственного исторического архива: «Там, где нет школ, раскольники отличаются замкнутостью и совсем не сходятся ни со священниками, ни с православным населением, а в делах веры проявляют грубую упорность» [5, с. 265]. Подобное заключение в определенной мере подтверждает эффективность образовательного воздействия на специфику старообрядческой идентичности.

Поднимая вопрос о возможном влиянии образовательной среды на фундаментальный принцип закрытости старообрядческого общества, необходимо сказать, что решение о том, каким образом осуществлять взаимодействие с государством в определенных ситуациях, реализовывалось не только на общинном уровне, но и на епархиальном. К примеру, в 1927 г. съездом старообрядцев Иркутско-Амурской области было установлено, что «детей в гражданских школах обучать необходимо» [6, с. 350], но в то же время в качестве необходимого элемента выделялось обучение детей в домашних условиях. Домашнее обучение уставщиками и начетчиками было привычно в рамках старообрядческого опыта сопротивления государству, однако в рамках советской системы оно находилось в более уязвимом положении, нежели при царской России.

Отмечая известную патриархальность старообрядческой семьи (патриархальность являлась стандартным элементом старообрядческой семьи, однако уровень традиционализма и патриархальности в значительной мере зависел как от территориального расположения, так и от религиозной специфики старообрядческого согласия), следует отметить, что мировоззренческая специфика старообрядческой педагогики основывалась на ветхозаветном принципе формирования семьи. Естественно, исключение ребенка-старообрядца из замкнутой системы образова-

ния и включение его в сугубо светскую систему советской школы наносило серьезный ущерб внутреннему единству семьи, в том числе и малой религиозной группы. Изменение фундамента мировоззрения наиболее подверженной подобного рода воздействиям возрастной группы является одной из основ трансформации этого общества в целом, естественно, не столь критичного в короткий промежуток времени, но наиболее глубокого и действенного на длительном отрезке. На наш взгляд, М. В. Кочергина правильно расставила акценты, изучая ветковских и стародубских старообрядцев в конце 1920-х гг.: «Для усиления борьбы “с религиозным невежеством” проводилась активная атеистическая пропаганда и агитация, молодежь заставляли вступать в пионеры и комсомол» [11]. Действительно, корректно рассматривать данный элемент на примере борьбы с основой общины, нежели продолжать длительное и недостаточно эффективное внешнее воздействие.

Борьбу с религиозным мировоззрением в качестве элемента системы старообрядческого (и в целом религиозного) образования можно раскрыть путем обращения к статье 121 Уголовного кодекса РСФСР от 1926 г.: «Преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах карается принудительными работами на срок до одного года» [11].

Уголовное преследование за осуществление вероучений в системе образования однозначно подтверждает высокую значимость осуществляемых действий по школьной подготовке в плане социализации и воздействия на психоэмоциональную сторону, замещение воспитательно-образовательной деятельности. Данный аспект имеет наибольшее значение при применении к стандартной религиозной семье периода становления советской власти, в основном не имеющей должного уровня образования для самостоятельного обучения детей грамотности, а также в отношении старообрядчества, так как педагогическая деятельность являлась одной из важных сторон деятельности руководителей старообрядческой общины – наставников и начетчиков. Появление механизма, регулирующего деятельность системы обучения, в некоторой мере уменьшило влияние данного аспекта власти руководителей старообрядческой общины в социально-культурном аспекте, который ввиду упомянутой нами патриархальности как семьи, так и общины являлся одним из значимых элементов замкнутой структуры существования старообрядцев.

Следует отметить, что старообрядцы активно пытались контактировать с советской властью с целью поиска компромисса в вопросах получения права на самостоятельное образование. Имеются примеры подобного взаимодействия на уровне различных территориальных единиц. В некоторых случаях прослеживалась попытка использовать свое положение

в качестве пострадавших от царских гонений в вопросах реализации образовательных задач. Так, к примеру, в Ленинграде в 1927 г. группа старообрядцев пыталась добиться открытия «богословских курсов христиан-старообрядцев» [1, с. 39], в заявлении указывалось как данное положение: «Преследуемое при царском режиме старообрядчество...», – так и ожидаемые источники финансирования: «Богословские курсы... состоят на попечении старообрядческих общин, давших средства на их содержание» [1, с. 39]. Об определенном смягчении говорит и «рост старообрядческой рукописной библиографии» [7, с. 539] до конца 1920-х гг., выделенный А. Е. Агеевой.

Важным примером, подтверждающим авторскую позицию относительно уменьшения влияния руководителей старообрядческой общины в результате лишения функции руководства образовательной системой, является упоминание А. В. Костровым факта сокрытия в 1926 г. старообрядческим начетчиком решения местного совета о том, что в деревне необходима постройка советской школы. Это объяснялось как тем, что посещение школы обязательно, а определенная (наиболее ортодоксальная) часть старообрядцев сопротивлялась введению светского образования, так и фактом уменьшения собственного влияния в рамках общины, что видно из попытки фальсификации общего решения. Встречались и иные элементы противодействия, доходившие в определенных ситуациях практически до столкновений. Так, в газете «Полесская правда» (Гомель, БССР) за 23 апреля 1927 г. Л. Высоцкий сообщает, что «население старообрядческое, усердно соблюдающее все религиозные праздники, в которые детей не пускают в школу» [8, с. 296].

А. В. Костров, опираясь на материалы Национального архива Бурятии, отмечал, что варианты старообрядческой грамотности не учитывались советским обществом и его административными единицами. Об этом прямо говорит материал «Годового отчета о работе Верхнеудинской организации этого общества (Союза Безбожников. – К. Л.) за 1927 г.»: «БМАССР являлась первой в своей вере» и «на втором с конца по грамотности в СССР» [6, с. 269]. В государственных отчетах указывалось, что «громднейшее большинство детей (старообрядческих. – К. Л.) школьного возраста остаются в плену темноты и невежества» [6, с. 349].

В качестве отдельно выделенного направления деятельности необходимо обозначить «работу среди школьных учителей семейских (Байкальской крупной этнорелигиозной группы старообрядцев. – К. Л.) районов» [6, с. 269]. Важно подчеркнуть, что хоть советская власть и не признавала значимость старообрядческого обучения, однако обозначала наличие и глубину подготовки. Так, в отчетах союза безбожников говорится о том, что «широкой полосой захвачено русское крестьянство течением старообрядчества, которое имеет своих особых подготовленных книга-

ми начетчиков, уставщиков и немалое количество фанатиков» [6, с. 269]. А. В. Костров концентрировал внимание на том, что в конце 1920-х гг. государство в «семейских районах» в качестве самостоятельного пункта «плана социалистических работ усиливало работу над школьным образованием» [6, с. 273]. Активизация школьной образовательной деятельности была одним из элементов ненасильственной принудительной социализации затворнических групп населения, скованных экономическими, религиозными, моральными и иными ограничителями, следовавшими из до-советского периода жизни населения.

Таким образом, можно говорить о следующих факторах, подтверждающих значимость влияния советской системы образования на трансформацию старообрядческого общества.

Первый фактор – извлечение молодого поколения старообрядцев из системы религиозного образования, представляющего собой специфическую систему воспитания, в которой закладывались основы религиозно-нравственного мировоззрения старообрядца.

Второй фактор связан с тем, что советская система образования ставила принципиально иной воспитательный идеал, по сравнению с церковно-приходскими и иными учреждениями образования периода Российской империи, ввиду чего старообрядческая школьная система, которая на тот момент хоть и находилась в определенной оппозиции, но по направленности соответствовала государственной, оказалась «оппозиционной» в основополагающих элементах.

Третий фактор – насильственность системы реализации образовательной политики, которая вынуждала старообрядческое общество идти на определенные социальные компромиссы. Несмотря на то, что период 1922–1929 гг. во взаимоотношениях между старообрядцами и советской властью имеет элементы сближения (отход от апокалиптического восприятия власти частью старообрядцев, определенные послабления в советской конфессиональной политике в отношении представителей старообрядчества), наиболее ортодоксальная часть старообрядцев не была готова принять советскую систему образования.

Четвертый фактор – эффективность взаимодействия в сфере образования. Меры законодательного регулирования сферы образования ставили религиозных ортодоксов в условия, когда было необходимо сознательно идти на определенные нарушения непреложных религиозных норм. Это, в свою очередь, в некоторой мере нарушало принцип глубокой религиозности ортодоксального старообрядца либо ставило человека, осуществлявшего образовательную деятельность, вне закона, позволяя использовать в отношении него репрессивные меры воздействия, мало применяемые в 1920-е гг.

Пятый фактор – лишение старообрядческого актива элементов власти путем изъятия из их управления

сферы образования. Следует отметить, что в глубоко патриархальном обществе, одной из главных специфик которого являлась замкнутость, сопряженная с самоуправлением, любые изменения принципов управления общиной сказывались на внутренней структуре, нарушая ее целостность и облегчая культурно-пропагандистскую деятельность государства. Данный фактор значительно увеличивается при учете эмансипации женщины, однако его следует рассматривать в качестве самостоятельного объекта изучения.

Обобщая представленные факторы, мы приходим к выводу, что образовательная политика в период 1922–1929 гг. являлась эффективным механизмом, заложившим основу для социальной трансформации старообрядческой общины. По мнению автора, образовательная политика была одним из основных элементов, нарушающих сформированную в старообрядчестве специфику воспроизводства мировоззренческой религиозной парадигмы. Важно подчеркнуть двустороннюю эффективность образовательной политики, которая воздействовала не только на объект своего профиля (учащихся вне зависимости от возраста обучения), но и оказывала глубокое социальное воздействие на замкнутую общину, лишая ее социально-религиозных лидеров механизмов воздействия и контроля. Подобное явление наряду с механизмами антирелигиозного давления, а также исключением представителей общины из процесса правового регулирования жизни общества позволяет нам утверждать, что непосредственно образовательная политика внесла «смуту» в старообрядческое общество при понимании таковым всесоюзного комплекса общин староверов. Образовательной политике удалось начать процесс разрушения общины изнутри, что было не под силу внешнему административному давлению в период досоветского существования и сопротивления государственному давлению русского старообрядчества.

Список использованных источников

1. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Е. Е. Дутчак [и др.]. – Томск, 2007. – 414 с.
2. Старообрядчество: история, культура, современность / отв. ред. Г. С. Широкалова. – Н. Новгород, 2019. – Т. 2: История и современность старообрядчества / М. В. Алмазова [и др.]. – 161, [1] с.
3. Латышев, К. А. Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии [Электронный ресурс] / К. А. Латышев // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2020. – № 1. – С. 85–94. – Режим доступа: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-85-94>.
4. Латышев, К. А. Постсоветская белорусская историография истории старообрядчества на территории БССР (1922–1929 гг.) / К. А. Латышев // Романовские чтения – 14: сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 28–29 нояб. 2019 г. – Могилев, 2019.
5. Апанасенок, А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века / А. В. Апанасенок. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 397 с.
6. Костров, А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.) / А. В. Костров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. – 444 с.
7. Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: люди, тексты, практики: коллективная монография. – М.: Библио-Глобус, 2017. – 560 с.
8. Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.): документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.]. – Минск: НАРБ, 2013. – 387 с.
9. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / С. А. Зеньковский; сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. – М.: Ин-т ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. – 688 с.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1448.
11. Кочергина, М. В. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940-х гг. / М. В. Кочергина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 1(49). – С. 45–51.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102017205&backlink=1&&nd=10201096>. – Дата доступа: 05.02.2021.

Аннотация

В статье анализируется реализация советской образовательной политики в старообрядческой среде в период 1920-х гг. на территории СССР в контексте выделения ее значимости в процессе трансформации общества. Соотносится специфика старообрядческой школы как социального института с советской школой в аналогичном контексте. Изучаются принципы воздействия на структуру старообрядческого общества в зависимости от целевой аудитории образовательной политики, ее содержания и механизмов реализации. Выделяя факторы социального влияния образовательной политики, автор приходит к выводу, что ее реализация стала одной из веских составляющих трансформации старообрядческого общества.

Abstract

This article analyzes the implementation of the Soviet educational policy in the Old Believers' environment during the 1920s. on the territory of the USSR in the context of highlighting its significance in the process of transformation of society. The author correlates the specifics of the Old Believer school as a social institution with the Soviet school in a similar context. The principles of the influence on the structure of the Old Believer society are studied, depending on the target audience of the policy, its content and implementation mechanisms. The author by highlighting the factors of social influence of educational policy comes to the conclusion that the implementation of the designated policy was the starting point for the transformation of the Old Believer society.